

Итак, Джордж был в бегах.

Должно быть, это произошло во время самого Аукциона. Он был на сцене вместе с Людо, когда девушки начали драться. По крайней мере, они хоть что-то выиграли в этот момент.

Она сидела в мягком кресле, наблюдая за восходом солнца в окнах. Это было уже третье утро в Малфой-мэноре, хотя накануне она не спала, довольствуясь тем, что смотрела на стены, пока ее мозг восстанавливался.

Несколько раз она подумывала позвать эльфа, чтобы он принес ей зелье, но головная боль не давала ей сосредоточиться. Она не собиралась успокаиваться, что бы они ни задумали для нее.

Щека болела, в уголке рта, где шла кровь, расцвел синеватый синяк. Она могла поклясться, что прошлой ночью почувствовала на щеке очертания драгоценного камня, но сегодня утром его нигде не было. Возможно, он ударил ее по лицу только для того, чтобы спасти свое собственное. Несомненно, одного из них нужно было наказать за ее умный язык. Она сжала губы, застывая при воспоминании о его исцеляющих руках у ворот прошлой ночью.

Если он думал, что Гермиона Грейнджер уйдет тихо, то она приготовила для него сюрприз.

Солнце заглянуло за дерево, и первые лучи вторглись в комнату, осветив стены. Она встала, плотно накинув на себя мантию, и подошла к окну, наблюдая за тем, как загорается территория.

На этой стороне поместья не было ворот, только большие живые изгороди и пруды. При свете дня она наконец смогла разглядеть сады вдаль.

Я выберусь, сказала она себе. Где-то всегда есть слабое место. Точка давления, которой можно воспользоваться.

Распахнув балконные двери, чтобы заглянуть за стены поместья и вниз, она собралась выйти, но что-то остановило ее.

Она посмотрела на свои ноги, стоявшие у самого дверного проема. Она не могла их поднять. Она легко отступила назад. Какое-то барьерное заклинание.

Вчера она могла сидеть на балконе, а утром пить чай с Нарциссой. Что же изменилось?

Утренний ветерок прошелся по ее коже.

Луна.

Она смотрела на горизонт, наблюдая, как солнце полукругом поднимается над деревьями.

Так может, мне еще и на самую высокую башню Малфой-мэнора забраться?

Она подначивала его. И пока их не было прошлой ночью, он успел поставить чары.

С любопытством она протянула руку. Охранники остановили ее прежде, чем пальцы успели пересечь дверной проем. Ее щеки запылали. Как он смеет. Он лишает ее возможности выбора, сужает стены ее маленькой клетки.

Гермиона закружилась, мысли метались в голове, как волны во время шторма. Она бросилась к занавескам, свисавшим с балдахина, и затянула их в узлы, но петля не выдержала. В камине горел огонь, и она подошла к нему, чтобы проверить еще одну теорию.

Когда она погрузила руку в пламя, то почувствовала тепло.

Она распахнула шкаф и обнаружила, что все пояса и створки сняты.

Осмелюсь предложить тебе попробовать, - сказал он. Он напомнил ей, что ее жизнь больше не принадлежит ей.

Смахнув слезы, она посмотрела на восход солнца, затем обула ноги в сапоги, распахнула дверь в спальню и вышла в халате.

Она прошла по коридору, гадая, спит ли кто-нибудь в этих комнатах. Если она наткнется на Драко, то точно ему достанется. Она спустилась по мраморной лестнице и вышла на прохладный утренний воздух, вдыхая свободу.

Другая сторона поместья была неизведанной землей. Держась ближе к стенам, она пошла по краю, вдыхая утренний туман. За углом из тумана поднялась беседка, солнечный свет отражался от ее изящной крыши, отбрасывая узорчатые тени на траву перед ней. Воды озера зашумели, подрагивая от приземления и всплеска птицы.

Согревающие чары были бы сейчас как нельзя кстати. Гермиона нахмурилась, надеясь, что скоро привыкнет к тому, что она не волшебница. Тогда она не забудет надеть джемпер, когда в следующий раз отправится на злую утреннюю прогулку.

Лужайки простирались на целые акры, и она прикинула, насколько далеко простираются владения. Возможно, у них было даже больше, чем здесь, но территория поместья заканчивалась в определенный момент. Она опустила взгляд на свою руку, гадая, в какой момент поместье запретит ей выходить. Две буквы, впечатанные в кожу, освещались утренним светом: поверх белой надписи, сделанной Беллатрисой, проступал золотой оттенок.

Оглянувшись на окна, она проверила третий этаж на предмет своей комнаты и обнаружила, что дверь на балкон широко распахнута. Она посчитала. Это был второй балкон справа, выходящий на северо-восток, судя по восходящему солнцу. Удобная деталь, если она когда-нибудь найдет того, кому она может пригодиться.

Небольшая прогулка по сельской местности. Вот что могло бы быть в другой жизни. Она повернулась лицом к рассвету, который теперь освещал деревья по краям лужайки, и начала бродить.

Рассекая траву, как одинокий парусник на озере, она направилась на северо-восток. Найти бреши в доспехах. Вокруг стоял слабый гул просыпающейся земли, птицы протяжно голосили, живые изгороди склонялись к небу.

Было удивительно снова оказаться в окружении красоты. Пейзажи были последним, о чём она думала, выбирая места, куда таскала Гарри и Рона весь прошлый год. И всё же эти уголья явно были созданы для того, чтобы их видели. Восхищаться. Это было почти издевательством, учитывая ее обстоятельства. Она представляла, что это поле вполне пригодно для садовых вечеринок и больших приемов.

Были ли у Малфоев вообще друзья семьи? Или они все были Пожирателями смерти? Кого развлекала Нарцисса Малфой?

Она дошла до края округлой живой изгороди и вышла на тропинку, проходящую по темной дорожке, вдоль которой росли деревья с изящными ветвями, склонившимися, чтобы коснуться друг друга. Воробей пел своим детям.

Это была идиллия. Слишком идиллически. Отвлекающе. Возможно, слабость находилась где-то в конце этой дорожки. Она тянулась бесконечно долго, исчезая в утреннем тумане и тенях деревьев.

Она переступила порог, чувствуя себя как Алиса в зазеркалье, ожидающая, что перед ее глазами откроется другой мир. Но ничего. Никакого покалывания в руке. Она продолжала идти, стремясь найти конец владений Малфоя.

Пение птиц эхом отдавалось в ее голове, какая-то знакомая мелодия. Несколько нот, соединившихся вместе, напомнили ей песню, которую мама пела по утрам. Ей стало интересно, помнит ли Моника Уилкинс эту песню. Просыпалась ли она по утрам, напевая ее, пытаясь уловить давно забытую мелодию.

Никогда еще она не была так благодарна за свою предусмотрительность, как в случае с выбором Обливизейта для своих матери и отца. Если бы ей пришлось добавить родителей к растущему списку своих забот в этом новом мире, это было бы невыносимо.

Гермиона широко раскинула руки, кончики пальцев едва касались листьев нескольких непокорных живых изгородей по обе стороны. Возможно, Хикс уклонялся от своих обязанностей. Ее мантия распахнулась на ветру, и воздух устремился навстречу теплой коже. Она откинула голову назад и уставилась на клочья неба сквозь ветви деревьев.

Дорожка закончилась. Перед ней расстилалось широкое поле.

Гермиона остановилась, глядя на покатый холм, и детский порыв велел ей бежать и падать вниз.

Другой, более темный импульс велел ей тоже бежать.

Она шагнула вперед.

"Я бы остановился здесь, мисс Грейнджер".

Она повернулась. Люциус Малfoy - безупречно одетый для такого часа утра - стоял, сцепив руки за спиной, и смотрел на неё серыми глазами.

Неужели он прилетел к ней? Она не слышала, как он подошёл к ней по узкому переулку. Неужели она прошла линию Явления?

Она вспомнила себя, быстро закрыла мантию и натянула её, чтобы прикрыть скромное ночное белье. Никакого пояса, чтобы завязать ее, не было.

<http://erolate.com/book/4319/155166>